

Христианское просвещение и религиозные движения
(реисламизация) крещеных татар Волго-Камья
в XIX – начале XX вв.

В ходе длительного процесса восприятия православной религиозной традиции, церковно-административной деятельности, направленной на христианизацию нерусских народов Восточной России, к началу XIX в. в Волго-Уральском регионе образовалась довольно многочисленная группа крещеных татар. Традиционно в их составе выделяют две локальные группы: это т.н. «старокрещеные» (таза керәшен) и «новокрещеные» татары (яңа керәшен). По мнению большинства дореволюционных (Н.И. Ильминский, Е.А. Малов, А. Хрусталева, А.Ф. Можаровский, К.В. Харлампович, Н.В. Никольский и др.), ряда советских (В.М. Горохов, А.Н. Григорьев) и современных (И.К. Загидуллин, Р.Г. Галлям, Н.В. Крайсман и др.) исследователей рубежом в формировании этих двух групп стало создание в 1740 г. «Конторы дел новокрещенских» (Новокрещенская контора) и связанное с этим проведение акции массового обращения в христианство татар-мусульман. Другое мнение представлено в работах Ф.Г. Ислаева, который в ходе изучения данного вопроса пришел к выводу о четком разделении этих групп уже во время проведения первой общероссийской ревизии 1722 г. Несмотря на довольно условный характер этого разделения и самой его привязки к определенному событию, необходимо подчеркнуть, что она имеет определенные основания. Старокрещеные и новокрещеные татары, имевшие общие этнические корни (принадлежность к татарской общности), официально относившиеся к одной конфессии (православию) и часто упоминавшиеся в дореволюционных документах под общим названием «крещеные татары», имели значительные различия в религиозности и традиционной культуре.

В отличие от старокрещеных татар, религиозные верования которых носили сложный синкретический характер, составной частью которых являлось христианство, основная масса новокрещен, несмотря на номинальное принятие православия, продолжала считать себя частью мусульманской общины и тайно соблюдала предписания исламского вероучения. Важную роль в сохранении у данной группы мусульманского самосознания сыграло их совместное проживание с татарами-мусульманами.

Двойственное положение новокрещен, придававшее им маргинальный статус внутри татарского общества, вынуждало их искать пути к легализации своего действительного конфессионального статуса. Ослабление церковно-административного контроля, либерализация религиозного законодательства в последней трети XVIII – начале XIX вв. привели к попыткам отдельных лиц из ранее крестившихся официально вернуться в ислам.

Первые случаи «отпадений» от православия стали отмечаться вскоре после роспуска Новокрещенской конторы и провозглашения запрета насильно обращать мусульман в православие (1764 г.). К началу XIX в. это движение приобрело массовый характер. В 1802–1803 гг. о своем желании открыто исповедовать ислам заявили новокрещенные татары деревень Маклаково, Базлово, Ишеево, Андреевка Васильского (Васильсурского) уезда Нижегородской губернии¹. Движение затронуло также соседнюю Казанскую губернию, хотя здесь случаи отхода от православия были единичными². В ходе расследования причин «отпадений» в Нижегородской губернии выяснилось, что эти татары, несмотря на принятие православия, продолжали исполнять мусульманские обряды, отдавать своих детей для обучения в мусульманские конфессиональные школы.

Рост реисламизации новокрещенных татар сыграл важную роль в пересмотре политики государства по религиозной унификации татар. Произошел отказ от дальнейшего массового крещения татар-мусульман и переход от территориального расширения влияния православия к утверждению в христианстве обращенных в предшествующее время – фактически это явилось началом действительной христианизации (т.е. процесса внутреннего утверждения в православии крестившихся). Именно первые случаи массовых «отпадений» 1802–1803 гг. привели к попыткам государственной и церковной администраций усилить христианско-просветительскую деятельность среди крещеных татар. Для этого указом от 22 января 1803 г. духовному начальству Поволжских и Сибирских епархий было предписано перевести на татарский язык символы веры, десятословие и некоторые употребительные православные молитвы. Обращалось внимание на необходимость активизации миссионерской деятельности среди крещеных татар, изучения

¹ РГИА, ф.796, оп.84, д.4, л.31.

² Малов Е.А. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // Православный собеседник. – 1868. – № 2. – С.325.

церковным причтом смешанных приходов татарского языка, чтения проповедей на родном языке прихожан¹.

Впрочем, стремление духовного ведомства изменить сложившуюся среди крещеных татар религиозную ситуацию, качественно улучшить постановку проповеднической деятельности не привело к заметным последствиям и существенным изменениям в их религиозном сознании. Православное духовенство, не владевшее татарским языком и не имевшее специальной подготовки, не смогло решить возложенные на него задачи. Сами новокрещены, желание которых исповедовать ислам было связано не только с религиозными, но и этнокультурными предпочтениями, также не были готовы к отказу от прежнего конфессионального состояния и действительному принятию христианства.

В 1811 г. и 1824 г. отмечаются новые «отпадения», в которых приняли участие жители дер. Каюково (Куюк), Азеево, Ромашкино Чистопольского уезда Казанской губернии². В 1825 г. на высочайшее имя было подано 2 прошения о желании вернуться в ислам от крещеных татар Елабужского уезда Вятской губернии³. Еще большие масштабы движение приобрело в 1827 г., когда только по официальным данным о своем желании публично исповедовать ислам заявили 3 274 чел., проживавших в Свяжском, Цивильском, Тетюшском, Буинском, Симбирском, Ставропольском уездах Казанской епархии, Бузулукском уезде Оренбургской епархии⁴.

Для борьбы с «отпадениями» указом от 23 июня 1827 г. Св. Синод предписал казанскому архиепископу Иону (Павинский) учредить в Казанской епархии должности особых проповедников, назначаемых из числа священников, знающих языки местных народов, предоставить им наставления и направить в селения «отпавших»⁵. Были назначены: по Свяжскому и Тетюшскому уездам протоиерей Иоанн Световидов, по Цивильскому – протоиерей Андриан Гальбан-

¹ ПСЗ–1. – Т. XXVII. – №20535.

² Малов Е.А. Указ. соч. – С.229.

³ РГИА, ф.797, оп.3, д.12644, л.11.

⁴ Там же. Л.159.

⁵ Необходимо отметить, что данный термин, закрепившийся в русскоязычной историографии (в татарской традиции – *رل موركلم* (махруклар)), имеет довольно условный характер.

ский, по Симбирскому, Буинскому и Ставропольскому уездам – проиерей Андрей Милонов¹.

При поддержке чиновников уездных правлений и местной полиции православные миссионеры должны были путем увещаний возвращать «уклонившихся» в лоно церкви. Не имея реальных рычагов воздействия на религиозные воззрения «отпавших», миссионеры активно применяли принудительные методы, привлекали административный ресурс. Вполне понятно, что в таких условиях сама процедура увещевания мало напоминала религиозное наставление. Основываясь на рапортах миссионеров, можно выделить общую форму, по которой велись эти увещевания. Органы полиции собирали в приходском селе «уклонившихся» в ислам татар, после чего в присутствии местной полиции приезжие миссионеры через переводчика из татар-мусульман (ни один из назначенных проповедников не владел татарским языком) сообщалось новокрещенам, что их просьбы «нелепые и богопротивные и не только удовлетворены быть не могут, а напротив преложа монаршее милосердие... могут их подвергнуть жестокому наказанию»². «Отпавших» подвергали допросам с различными формами «воздействия», самых «несговорчивых» подвергались аресту и отправлялись для дальнейшего увещевания в духовную консисторию, против них возбуждались уголовные дела, они лишались права состояния, а их имущество переходило под опеку государства. С согласившихся оставить мусульманство бралась особая подписка в том, что они в дальнейшем будут неукоснительно соблюдать предписания православной церкви.

Конечно, такие действия могли привести только к внешним результатам. Многие крещеные татары, запуганные действиями властей и разуверившиеся в возможности легализации своего положения, предпочитали вернуться в прежнее состояние. Уже к концу 1828 г. подавляющее большинство татар, подавших в 1827 г. прошения о дозволении им исповедовать ислам, вернулись в православие. Несмотря на это, они продолжали тайно исповедовать ислам.

Попытку изменить сложившуюся ситуацию предпринял назначенный 25 февраля 1828 г. на казанскую кафедру молодой и энергичный

¹ ПСПР. Царствование государя императора Николая I. – Т.1. – № 169. – С.224.

² Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. – М.: Университетская тип., 1880. – С.121.

архиепископ Филарет (Амфитеатров). По его инициативе были приняты меры по проведению объективного анализа причин возвращения крещеных татар в ислам, реального религиозного положения ново-крещен. Указом от 13 декабря 1828 г. он предписал духовной консистории собрать данные: «1) сколько вообще крещеных инородцев по племенам в Казанской губернии и особо в губернии Симбирской; 2) сколько из этого числа оставили свои магометанские и языческие заблуждения; 3) сколько... придерживающих тех заблуждений»¹.

Согласно присланным сведениям оказалось, что большинство новокрещеных татар (10 526 чел. (87%) по Казанской губернии и 2 532 чел. (95%) по Симбирской губернии) продолжало придерживаться своих «магометанских заблуждений»². При этом выяснилось, что местные священники не только не занимались утверждением в православии своей «новокрещенской» паствы, но, напротив, «потворствовали их заблуждениям». В частности, некоторые священники, полностью завися от денежных пособий своих прихожан из крещеных татар, закрывали глаза на то, что они не посящают церковь, не бывают на исповеди и причастии, а ходят в мечеть и принимают у себя мулл, возбуждая дела и преследуя их лишь в случае неуплаты ими положенных за духовные требы денег³.

Эти сведения, наглядно раскрывая реальное положение дел, заставили руководство духовного ведомства всерьез задуматься о методах утверждения крещеных татар в православии. Разработка новой концепции миссионерского дела была поручена казанскому архиепископу Филарету. Составленные им проекты («Правила о наставлении и утверждении новокрещеных в вере христианской», «Инструкция миссионерам как потребное для них руководство и наставление при исполнении миссионерских обязанностей», «Проект особого учреждения для образования миссионеров при Казанской семинарии применительно к потребностям Казанской и окрестных епархий») были найдены Св. Синодом «весьма основательными» и 11 мая 1830 г. получили высочайшее утверждение⁴. Теоретические разработки казанского архипастыря стали «инструкцией для применения»

¹ Можаровский А. Указ. соч. – С.150–151.

² Там же. – С.151.

³ РГИА, ф.797, оп.15, д.35644, л.4.

⁴ ПСПР. Царствование государя императора Николая I. – Т.1. – №303. – С.438.

для всех православных миссий внутренней России¹. В этих проектах предусматривались учреждение постоянной миссии во главе с архиереем, назначение в национальные приходы священников, хорошо знающих язык своих прихожан, привлечение к христианско-просветительской деятельности сельских священников, перевод религиозной литературы на местные языки, проведение православного богослужения на местных языках, устройство особого учебного заведения для подготовки миссионеров².

План Филарета представлял собой новый взгляд на задачи православной миссии. В соответствии с идеями казанского архипастыря главной целью организации новых институтов должны были стать перестройка миссионерского дела и переход от принудительных методов к христианскому просветительству. Но проект Филарета, намного опередивший свое время, в исторических реалиях николаевской России оказался практически невыполним. Именно с этим, на наш взгляд, связан тот факт, что ни один из его основных пунктов, несмотря на государственную поддержку, так и не был полностью реализован. Система местного церковного управления оказалась явно не готовой воплотить в жизнь те грандиозные планы, которые предлагались автором. Хотя указом от 23 мая 1830 г. Св. Синодом предписывалось, «чтобы в воскресные и праздничные дни во всех новокрещеных церквях, при служении литургии и прочих молитвословия... читаны были на их (родном. – *Р.И.*) языке»³, вследствие незнания священниками языков нерусского населения края, отсутствия качественных переводов православных молитв это предписание практически не выполнялось.

Не имея возможности качественно улучшить христианско-просветительскую деятельность среди номинальных христиан, православная церковь была вынуждена все активнее прибегать к помощи администрации и полиции. По инициативе архиепископа Филарета «упорствующих» стали ссылать в монастыри. По решению Св. Синода от 19 апреля 1829 г. 16 «отступников» были отправлены в Раифский и Свяжский монастыри⁴. Над крещено-татарскими при-

¹ Там же. – №298. – С.428–432.

² Сергей, архимандрит. Высокопреосвященный Филарет (Амфитеатов) митрополит Киевский и Галицкий и его время. – Казань, 1888. – Т.2. – С.65.

³ Цит. по: Казанская центральная крещено-татарская школа. – Казань, 1887. – С.344.

⁴ ГАУО, ф.322, оп.3, д.8, л.115.

ходами был установлен строгий контроль. Функции наблюдения и контроля за национальными приходами и их причтом стали ключевыми направлениями деятельности миссионеров.

Усиление церковного контроля и административного давления само по себе не могло решить проблему «отпадений». Как справедливо отмечает современный исследователь Л.А. Таймасов, данные действия не лечили болезнь, а загоняли ее внутрь, усиливая антицерковные настроения среди новокрещен¹. Ужесточение контроля за крещено-татарскими приходами привело к новому всплеску волны «уклонений» в ислам. В условиях, когда церковные и государственные структуры начали строго следить за исполнением предписаний православного вероучения, пресекать любые формы отклонений от православия, новокрещенам становилось все тяжелее оставаться в своем прежнем религиозном состоянии. Эти действия разрушали традиционный религиозный уклад их жизни, ставили вопрос о четком определении конфессиональной принадлежности. Именно этим можно объяснить тот факт, что новые «отпадения» принимали все более ожесточенный и бескомпромиссный характер. «Отпавшие» не могли, как прежде, формально вернуться в православие, продолжая тайно исповедовать мусульманское вероучение. Теперь от них требовалось полностью отказаться от ислама и стать «настоящими» христианами. В этой ситуации «неофициальные» мусульмане, «отпав», уже ни при каких условиях не соглашались вернуться в православие.

Попытки справиться с отходом в ислам старыми методами не приносили каких-либо видимых результатов. Это вынудило правительство поддержать предложение казанских миссионеров по массовому переселению «уклонившихся» в русские селения. В ответ на новые «отпадения», охватившие в 1832–1836 гг. татарские деревни Спасского, Свяжского, Лаишевского, Чистопольского уездов Казанской губернии, Симбирского, Буинского, Корсунского уездов Симбирской губернии, Бузулукского уезда Оренбургской губернии, власти начали переселять крещеных татар в русские селения. Всего с 1834 г. по 1850 г., по неполным данным, по высочайшей воле было

¹ Таймасов Л.А. К истории православного миссионерства в Среднем Поволжье: утверждение идей христианского просвещения в Казанской епархии в конце XVIII – начале XX века // Всероссийская научная конференция «Волжские земли в истории и культуре России» // Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r60729/rgnfl.pdf.

предписано переселить в русские селения 2 696 крещеных татар и чуваш Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний.

Неповоротливость административно-полицейской машины николаевской России, различные злоупотребления превращали переселения в жестокую экзекуцию, подрывали экономическое состояние крестьянских хозяйств «отпавших»¹. Положение усугублялось тем, что местные власти не особо утруждали себя внимательным разбором этого сложного вопроса. Сами действия носили явно репрессивный характер, направленный, в первую очередь, на давление и запугивание «отступивших» с целью возвращения их в православие.

Несмотря на жесткие действия властей, полностью подавить вспыхнувшее движение не удавалось. В начале 1840-х гг. обнаружались новые случаи отхода крещеных татар от православия. В ответ на усиление «отпадений», которые начали рассматриваться властью как серьезная угроза интересам православной церкви и государства в регионе, правительство пошло на дальнейшее ужесточение мер борьбы с отходом «новокрещен» от православия. Наряду с переселениями, судебными делами против «совратителей», на основе высочайше утвержденных указов от 20 ноября 1849 г. и 4 июля 1855 г. стали применяться такие меры, как расторжение браков, совершенных по мусульманскому обряду, «отобрание» детей у родителей до возвращения их в православие, их насильное крещение². Но применение даже самых суровых административных мер оказывалось все менее эффективным в борьбе с реисламизацией крещеных татар. Как показала практика, эти действия приводили лишь к озлоблению основной массы «отпавших», осложнению межконфессиональной ситуации в регионе. Кроме того, применение административного ресурса создавало значительные трудности для местных органов исполнительной и судебной власти. Вследствие массовости «отпадений» в ислам переселять «уклонившихся» в русские селения становилось все сложнее. Несмотря на высочайшие указания о массовом переселении «отпавших», с середины 40-х гг. XIX в. эти предписания практически перестали выполняться, принятие решений по данным делам затягивалось на неопределенное время³. Немаловажной

¹ НА РГ, ф.1, оп.2, д.292, л.1.–1 об.

² НА РГ, ф.4, оп.97, д.34, л. 232–233.

³ НА РГ, ф.2, оп.1, д.1372, л.1.

причиной свертывания данной деятельности стало осознание ее неэффективности в деле утверждения крещеных в православии¹.

Еще большие сложности возникали у местных властей с крещением детей «отпавших». «Уклонившиеся» в ислам, по наблюдениям местных чиновников и полицейских, готовы были скорее подвергнуться суду и ссылке в Сибирь, чем отдать своих детей для крещения православным священникам. Так в селе Омары после объявления мамадышским уездным исправником решения о принудительном отобрании детей и их крещении, татары, закрывшись в одной из деревенских изб, «взять себя и детей под надзор не позволили, угрожая при этом скорее лишиться себя и детей жизни, чем отдать их в посторонние руки»². К тому времени многие из этих детей были уже взрослыми, что создавало дополнительные трудности в утверждении их в православии. Не признавая их мусульманами, государство и церковь в то же время не имели возможности крестить их, так как это противоречило церковным канонам и российскому законодательству³.

Не лучше обстояло дело и с борьбой против «незаконных браков». Согласно указу Св. Синода от 23 мая 1855 г., «вступивших... в супружество, без всякого обряда, если окажется, что жены их крещены, принять меры к соглашению их на брак по христианскому обряду; но в случае несогласия их на то, выслать их в прежнее жителство и подчинить их строгому надзору сельского общества»⁴. Попытки властей привести данную меру в исполнение вызвали сильные волнения, вылившиеся в акции массового неповиновения. Даже там, где посредством частей внутренней стражи полиции удавалось выслать жен к родителям, они при первой же возможности возвращались к своим мужьям⁵.

Массовость движения и упорство его участников в отстаивании своих прав привели к тому, что рассмотрение вопросов по этим процессам растягивалось на долгие годы. Суды и уездные управы были буквально завалены нерешенными делами об «отпадениях». Несмотря на попытки ускорить их решение, многие из этих дел не сдвигались с мертвой точки в течение десятилетий. Как жаловались представители местных органов полиции, для расследования всех случа-

¹ НА РТ, ф.2, оп.1, д.1372, л.2.

² НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.234.

³ НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.237.

⁴ НА РТ, ф.4, оп.86, д.66, л.24об.-25

⁵ НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.237.

ев «отпадения» от них требовалось бы отказаться от решения всех остальных уголовных дел во вверенных им округах, но даже при этом полностью закончить все дела, связанные с «отпадениями», было бы практически невозможно¹.

Осознавая невозможность дальнейшего ужесточения административного преследования «отпавших», что могло привести к усугублению и без того сложной ситуации, невозможности решения проблемы путем использования лишь принудительных методов воздействия, государство приступило к постепенному свертыванию репрессивных мер в отношении «неофициальных» мусульман. В 1858 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев уведомил обер-прокурора Св. Синода о том, что «находит меру разлучения татарок с их сожителями и отображение детей их... крайне для них тягостной и с видами правительства о благосостоянии целого селения не согласною»². П.Д. Киселева поддержал министр внутренних дел, с подачи которого 14 июля 1861 г. Александр II приостановил действие указа от 29 мая 1855 г.³

В 1860-х гг. отмечается новая волна отхода крещеных татар от православия в ислам. В начале 1865 г. среди татар стали муссироваться слухи о вышедшем царском указе, в котором якобы крещеным разрешалось исповедовать ислам, что вызвало среди них сильное брожение, а вскоре и открытое движение за переход в ислам⁴. В 1866 г. движение охватывает Чебоксарский, Цивильский, Свяжский, Царевококшайский, Казанский, Мамадышские уезды Казанской губ. (125 селений)⁵, Симбирский и Буинские уезды Симбирской губернии (35 селений, включая г. Буинск)⁶. Кроме Казанской и Симбирской, движение за возвращение в ислам отмечались в соседних Вятской и Нижегородской губерниях, где прошения о причислении к мусульманским приходом подали жители 18 деревень⁷.

¹ НА РТ, ф.13, оп.1, д.322, л.4 об.

² НА РТ, ф.4, оп.97, д.34, л.249.

³ НА РТ, ф.2, оп.1, д.2087, л.99.

⁴ Малов Е.А. Нынешнее религиозное состояние крещеных татар Заволжского края // Православное обозрение. – 1866. – Т.20. – С.62.

⁵ НА РТ, ф.1, оп.3, д.229, 230.

⁶ Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Н. Новгород, 2007. – С.190.

⁷ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. – СПб., 1870. – С.56–57, РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.743. Л.160–160 об.

Наиболее массовый характер движение приобрело в Казанской губернии, где по официальным данным количество «отпавших» достигает цифры в 9 000 человек¹. Только в Казанском уезде из всех крещено-татарских приходов, в которых до «отпадения» насчитывалось 2 500 номинальных христиан, верным церкви остался лишь один приход².

Отличительной чертой этих «отпадений» было то, что в них наряду с новокрещеными активное участие принимали и старокрещеные татары. В 1866 г. в ислам «уклонились» старокрещеные татары дер. Большие Кибяк-Кози (Кибяк-Ходжа) Лаишевского уезда, Елышево³, Никифорово (Чия баш) (2 семейства)⁴ Мамадышского уезда Казанской губернии, Сорока-Сайдак, Нижний Чепкас, Утево, Ишмурзино, Большие Аксы Буинского уезда Симбирской губернии⁵. Еще больше случаев «отпадений» старокрещен отмечалось во время движения 1870–1872 гг., охватившего Казанский, Мамадышский, Лаишевский уезды Казанской, Елабужский и Малмыжский уезд Вятской, Буинский и Симбирский уезды Симбирской губерний, Бугульминский и Самарский уезды Самарской губернии. Прошения о признании их мусульманами подали старокрещеные деревень Верхние Билятли, Яныли, Отары⁶, Янасал⁷, Живут себе Усадом⁸, Починок Шемордан⁹, Три сосны, Большие и Малые Савруши, Салтыган Ключ, Сосновый Ключ¹⁰ Мамадышского уезда, Верхний и Нижний Азяк Казанского уезда и губернии¹¹, Новая Салаван Самарского уез-

¹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. – Казань, 1884. – С.8.

² Малов Е.А. Отпадения крещеных татар от православия // Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Дневник миссионера: сб. ст. – Казань, 1892. – С.329.

³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.226, л.1.

⁴ НА РТ, ф.967, оп.1, д.179, л.1.

⁵ ГАУО, ф.134, оп.7, д.149, 155.

⁶ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2813, л.1.

⁷ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2563, л.59.

⁸ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2813, л.14.

⁹ НА РТ, ф.4, оп.98, д.9, л.9.

¹⁰ Малов Е.А. Статистические сведения о крещеных татарах Казанской и некоторых других епархий, в Волжском бассейне // Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар: сб. ст. – Казань, 1892. – С.380–382.

¹¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.2812, л.27.

да и губернии¹. Случаи перехода в ислам отмечались и среди старокрещеных татар Елабужского уезда Вятской губернии².

Практически всеобщий отход из православия новокрещеных татар и рост числа «отпадений» среди старокрещеных татар в 1860–1870-х гг., наряду с внешними причинами, связанными с либерализацией политики государства в конфессиональной сфере, проведением Великих реформ, были напрямую связаны со сложными этнокультурными процессами, протекавшими в татарском обществе. Рост консолидационных процессов среди татар, отмечаемое в это время, формирование татарской нации и создание единого культурно-информационного пространства, привели к разрушению прежних сословно-социальных, культурных, а также частично конфессиональных границ между отдельными группами татар. Для крещеных татар этот процесс характеризовался отходом от православия в ислам, что связывалось с их желанием интегрироваться в татарское культурное и национальное пространство, возможным лишь при условии принадлежности к мусульманской конфессии.

Усиление исламизации старокрещеных татар, которые до этого считались более укрепленными в христианстве, чем новокрещены, отмечаемое с 1830-х гг., было вызвано разрушением их прежней замкнутой системы организации сельской общины и кризисом традиционного религиозного («языческого») мировоззрения, делавшими их восприимчивыми к внешним религиозным влияниям. Повышение трудовой мобильности (отхожих промыслов), которые начинают играть все большее значение в жизни старокрещеных татар в пореформенный период привело к укреплению их культурных контактов с соплеменниками из числа мусульман, и как следствие, к усилению влияния ислама. Большинство «отпавших» из дер. Елышево, Кибяк-Козей, Верхней и Нижней Азяки, Отары, Апазово занимались портняжничеством среди татар-мусульман Казанской и соседних губерний. Подолгу проживая среди последних, они подпадали под их культурное и религиозное влияние, начали одеваться «по-татарски», брить головы, посещать мечеть, отдавать своих детей на обучение мусульманскому духовенству³. Именно этим можно объяснить тот факт, что, в отличие от новокрещен, которые «отпадали» всем сельским обществом, среди старокрещен в ислам переходило преимущественно молодое поколе-

¹ ГАСО, ф.32, оп.1, д.2245, л.4–5.

² Вятские епархиальные ведомости. – 1872. – №15. – С.357.

³ НА РТ, ф.1, оп.3, д.1818, л.4.

ние, занятое на отхожих промыслах. «Эта молодежь, – по словам казанского архиепископа Антония (Амфитеатров), – обращаясь с магометанами, очень легко усваивала обычаи и учение их, переняла совершенно магометанский костюм и делалась особой партией в деревне»¹. В то же время старое поколение преимущественно оставалось в православии, «желая жить так, как жили их отцы и деды». В отличие от новокрещен, старокрещены при «отпадениях» не отрицали своего христианского прошлого, но при этом подчеркивали, что «они татары, а у татар должна быть вера татарская, то есть мусульманская, а не русская православная»². Не случайно старокрещеные (как, впрочем, и другие нерусские народы) для обозначения своего отхода от православия использовали такие понятия, как «вышедший», «ушедший в татары», ставший «настоящим татарин»³.

В целом, по наблюдениям православных миссионеров в обыденной жизни старокрещеных татар отмечались повышение уровня присутствия исламской религиозной обрядовости, усиление культурного влияния татар-мусульман. По отзыву М.А. Машанова, совершившего летом 1874 г. поездку по селениям старокрещеных татар Мамадышского уезда: «Все крещеные без исключения имеют громадное знание мухаммеданства. Часто высказывая мухаммеданское понятие или исполняя мухаммеданский обряд, крещеный и не подозревает, что тут таится мухаммеданство, а считает его христианским наследием... Вся жизнь крещеного проникнута этим мухаммеданским элементом. Стоит только посмотреть на религиозные отправления крещеных, чтобы убедиться в этом; стоит только прислушаться к молитвенным воззваниям, и вы увидите, что мухаммеданство занимает довольно большой уголок в сердце крещеного. От крещенина никогда не услышишь христианской молитвы... а между тем везде слышатся мухаммеданские молитвы предначинательные и заключительные»⁴.

¹ НА РТ, ф.1, оп.3, д.3068, л.19.

² НА РТ, ф.4, оп.1, д.121647, л.217 об.

³ Андреев И. Дневник учителя Трехсосенской школы Ильи Андреева за октябрь, ноябрь и декабрь 1874 г. // Известия по Казанской епархии. – 1877. – №18. – С.488–498; Малов Е. Очерк религиозного состояния крещеных татар подвергшихся влиянию магометанства (миссионерский дневник). – Казань, 1872. – С.75.

⁴ Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. – Казань, 1875. – С.14, 20.

Наряду со случаями открытых «отпадений», среди старокрещен повсеместно фиксировались случаи тайного отхода от христианства¹. Многие из «тайных» мусульман, наряду с «отпавшими», для исправления духовных треб начинают пользоваться услугами мусульманского духовенства, тайно соблюдать предписания исламского вероучения². Одним из каналов исламизации старокрещен были их семейные контакты с «отпавшими». Женясь (или выходя замуж) на крещеных татарках тех селений, где были сильны исламские традиции, муж (или жена) попадал под влияние ислама. В таких семьях часто устанавливались мусульманские традиции, дети получали исламское воспитание. Рост исламизации старокрещен отмечается повсеместно, при этом данный процесс был слабо связан с ростом прозелитической активности «официальных» мусульман. Анализируя этот процесс, Н.И. Ильминский писал: «В религиозном отношении большинство крещеных татар, длительное время безразличное к христианству и магометанству, в новейшее время более и более проникала магометанскими понятиями, расположено сочувственно к магометанству. Среди так подготовленного и одушевленного населения отдельные энергичные и фанатичные личности – упорные отступники и агитаторы, пользующиеся уважением, сочувствием и доверием [...] держат все общество в руках. Магометане даже не имеют надобности явно и действительно помогать отступникам, вполне достаточно и того, что они сочувствуют вожакам отпадения, дружат с ними»³.

Конечно, не только религиозные предпочтения толкали старокрещен к смене конфессиональной принадлежности. Для многих из «отпавших» старокрещен, индифферентно относившихся как к православию, так и к исламу, главными причинами являлись бытовые преимущества, предоставляемые им «статусом» мусульманина, в частности, всесторонняя поддержка, оказываемая «неофитам» татарами-мусульманами, повышение материального благосостояния, налаживание культурных и бытовых отношений с соплеменниками. Если ранее, в условиях самоизоляции, для старокрещен эта проблема была не столь актуальна, то в условиях значительных социальных изменений эпохи Великих реформ, приведших к росту национального самосоз-

¹ Эту категорию крещеных татар в миссионерской литературе было принято называть «татарсымаками», т.е. такими как татары, подверженными татарскому (мусульманскому) влиянию.

² НА РГ, ф.4, оп.1, д.121647, л.132.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.743, л.95 об.

нения, для представителей этой конфессиональной группы определение своего места в культурно-национальном пространстве становилось определяющей мировоззренческой задачей, ставило перед ними вопрос: являются ли они частью татаро-мусульманской или русско-православной цивилизационной системы. Только при определении этого статуса было возможно нивелирование их прежнего маргинального положения в татарском (мусульманском) или русском (православном) сообществе. Вполне понятно, что наиболее сильно эта тенденция ощущалась в регионах, где старокрещеные татары составляли меньшинство и проживали совместно с татарами-мусульманами («официальными» мусульманами и «отпавшими») или православным русским населением, в меньшей степени – в местностях, где они жили компактными многочисленными группами.

Рост исламизации крещеных татар, приобретавший все более широкие масштабы, не мог не вызывать опасений у церковной и светской администрации стремившихся, по крайней мере, сохранить конфессиональную архитектуру, сложившуюся в регионе во второй половине XVIII в. и доминирующее положение православия, которое могло нарушиться при дальнейшем территориальном расширении границ влияния ислама. Во многом благодаря этому проблема реисламизации крещеных татар стала важнейшим дестабилизирующим фактором во взаимоотношениях имперского руководства и татар, приведшим к принятию ряда дискриминационных мер по отношению к мусульманскому большинству татарского общества. Сохранение православной ориентации основной массы старокрещеных татар и представителей других нерусских народов края являлась для правительства не только задачей поддержки господствующего в стране религиозного института, «особого» патерналистского подхода к РПЦ, но, в первую очередь, задачей идеологической, направленной на сохранение основных принципов вероисповедальной политики и законодательно-правового регулирования функционирования имперского строя в многонациональном и поликонфессиональном государстве. В связи с этим с 1860-х гг. были предприняты меры, направленные как на административное сдерживание крещеных татар в православии, так и утверждение их в христианстве.

Сложность противодействия исламизации крещеных татар, напомилавшего по образному выражению Н.И. Ильминского, починку ветхого здания, «едва успеешь починить в одном месте, глядишь,

разваливаются другие места»¹, потребовала выработки принципиально новых подходов в миссионерской и просветительской деятельности. Главным идеологом и реализатором новой миссионерской политики стал известный тюрколог и миссионер Н.И. Ильминский (1822–1891). В ходе знакомства с прежней постановкой проповеднической деятельности, изучения жизни и религиозных верований местных народов он пришел к выводу о необходимости кардинальных изменений в сфере миссионерского движения РПЦ. В ряде своих работ он высказал принципиально новые взгляды на задачи православной миссии². Основной идеей Н.И. Ильминского был отказ от жесткой привязки христианизации к национальной унификации (русификации). Во многом из-за боязни потерять свое культурное и этническое своеобразие, традиционный уклад жизни с восприятием «русской» веры, православие вплоть до 1860 г. так и не смогло стать «своей» религиозной традицией для большинства народов региона, несмотря на их номинальное крещение. Понимая это, Н.И. Ильминский предложил идею «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля.

Н.И. Ильминским была разработана концепция «духовного обрусения инородцев», ввода богослужения на национальных языках, создания национальных кадров православного духовенства. Важнейшим каналом христианизации должно было стать национальное образование в миссионерском духе. Понимая невозможность добиться существенных результатов принудительными методами, Н.И. Ильминский считал единственной реальной возможностью решить проблему интеграции местного населения в русское культурное и религиозное пространство созданием условий, при которых «инородцы» сами захотели бы воспринять православие как основной базис русской культуры

¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.743, л.95.

² См.: Проект миссии для татар бакалавра Казанской духовной академии Н.И. Ильминского (1849 г.) // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.1. Д.А1/232; Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И.Ильминского и Г.С.Саблукова в академическое правление о причинах отпадения крещеных татар из православия в магометанство (1858 г.) // НА РТ, ф.10, оп.1, д.1655. л.15–23 об.; Мысли Н.И.Ильминского экстраординарного профессора Казанской духовной академии о мерах к усилению миссионерской деятельности среди татар (1859 г.) // ОР РНБ. Ф.СПбДА. Оп.1. Д.А1/214.

и идентичности, это и было в его понимании настоящим, глубоким обрусением¹.

Опираясь на первых ревнителей православия из среды крещеных татар, финансовые возможности общественных миссионерских объединений, МНП и Св. Синода, за относительно короткое время он сумел создать мощную миссионерскую инфраструктуру, включавшую в себя, наряду с широкой сетью миссионерских школ, земские и министерские (МНП) «инородческие» училища, местные приходские учреждения православной церкви с духовенством из представителей коренных народов Поволжья и Приуралья. Для нужд образования и христианского просвещения старокрещен Н.И. Ильминским совместно с В.Т. Тимофеевым был разработан татарский алфавит на основе кириллицы, начались переводы православного богослужения на разговорный татарский язык.

Основным каналом продвижения православной идеологии среди крещеных татар стало созданная миссионерами широкая сеть конфессиональных школ, а ее координирующим и культурно-религиозным центром – открытая в 1863 г. Казанская центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ). Кроме обучения детей и подготовки педагогических кадров, здесь осуществлялись переводы богослужебной и учебной литературы на татарский язык, ее централизованное распространение, популяризировались идеи православия среди основной массы старокрещен². Благодаря своему центральному положению, особой роли в координации деятельности местных начальных школ, подготовки учителей и контролю над их деятельностью, КЦКТШ при отсутствии других значимых общекрещенских культурных институтов, выступала в роли коммуникатора связи между отдельными, ранее мало связанными между собой группами старокрещен, способствовала их консолидации и формированию единого культурно-образовательного пространства, а ее воспитанники, замещающие должности учителей и православных священников, становились основными деятелями школьного просвещения и миссионерства среди соплеменников.

Хороший психолог и талантливый педагог Н.И. Ильминский понимал, что, в отличие от взрослых, молодое поколение, у которого еще не сформировалось устойчивое религиозное восприятие мира,

¹ Geraci R.P. Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia. – Ithaca and London: Cornell university press, 1997. – P.54–55.

² РГИА, ф.733, оп.173, д.101, л.5.

легко поддается миссионерскому внушению, впитывает новые идеи, предлагаемые учителем-миссионером. Осознавая, что для крещеного татарина, живущего в патриархальном, несекурилизованном обществе религия является основой мировоззрения, просветитель делал ставку не столько на обучение, сколько на воспитание ребенка, формирование у него глубокорелигиозного мировоззрения, основанного на православии. Таким образом, с развитием сети миссионерских школ в православной традиции воспитывалось молодое поколение крещеных татар, будучи оторванным от религиозной традиции старшего поколения, не восприимчивым к культурному и религиозному влиянию татар-мусульман. Крещено-татарские школы представляли собой в определенном роде христианский центр – «школу-церковь», где прихожане «должны наглядно изучать и усваивать христианскую религию и ее обрядовую обстановку»¹. По образцу КЦКТШ в них из числа учеников повсеместно организовывались церковные певческие хоры, для местных жителей в воскресные и праздничные дни совершались церковное богослужение на татарском языке, служились молебны, проводились пастырские собеседования.

Важнейшим событием в истории христианского просвещения старокрещен стало введение православного богослужения на татарском языке, впервые совершенного в стенах КЦКТШ алтайским миссионером иеромонахом Макарием (Невский), и рукоположение в священнический сан В.Т. Тимофеева (1869 г.).

Развитие школьной сети и переводов православных книг позволили расширить практику богослужения для крещеных татар, привлекать в духовное сословие представителей зарождающейся интеллигенции. При этом от них, в отличие от русских кандидатов, не требовалось наличие специального духовного образования. Им было достаточно обладать высокой православной религиозностью, знать основы христианского вероучения и русский язык, заручиться поддержкой местного епархиального руководства. К 1891 г. богослужение на татарском языке совершалось в 37 селах и 100 деревнях Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Симбирской епархий², а количество крещеных татар, посвященных в сан, достигло 53. К началу XX в. число священников из их числа выросло настолько, что наряду с кре-

¹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. – Казань, 1873. – С.15.

² Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования (1867–1892 гг.). Казань, 1892. – С.168.

щено-татарскими их стали назначать в русские и смешанные по национальному составу приходы, в миссионерские станы в Казахской степи и Западной Сибири. Всего к 1904 г. в епархиях Восточной России служило 88 крещенских священников¹. Благодаря активному привлечению в духовное сословие воспитанников КЦКТШ по количеству национального православного духовенства на душу населения крещены значительно опережали другие нерусские народы края. Например, в Казанской епархии к 1904 г. священники из крещеных татар составляли 39,7%, чувашаи – 44,1%, марийцы – 6,8%, удмурты – 0,6% от общего количества национального духовенства (белого). Таким образом, 1 крещенский священник приходился на 1 742 крещеных татар живших в епархии, 1 чувашский – на 18 113, 1 марийский – на 12 818, 1 удмуртский – на 26 179 соплеменников².

Наряду с массовым посвящением в сан крещеных татар, с 1870-х гг. началось масштабное строительство новых церквей и открытие приходов. Для этого духовное ведомство выделило особые квоты и денежные субсидии³. Только по Казанской и Уфимской губерниям с конца 1860-х по 1890-е гг. было построено 36 православных храмов в крещено-татарских селениях⁴, что составляло 60% от общего количества существовавших к тому времени крещенских церквей⁵.

Благодаря религиозной и культуртрегерской деятельности миссионеров, созданию разветвленной сети религиозно-просветительских учреждений, неофициального «Ведомства инородческого образования Востока России» Н.И. Ильминского⁶ в религиозной жизни

¹ РГИА, ф.733, оп.173, д.101, л.9 об. Данные по Казанской епархии даются по материалам: Бобровников Н.А. Инородческое духовенство и богослужение на инородческих языках в Казанской епархии // Православный собеседник. – 1905. – Ч.2. – С.178.

² Бобровников Н.А. Указ. соч. – С.178.

³ Большую роль в строительстве православных храмов в крещенских селениях сыграли частные благотворители из русских купцов, такие как елабужские купцы Стахеевы (Уфимская и Вятская епархия), казанский купец П.В. Щетинкин (Казанская епархия) и др.

⁴ Здесь были учтены также церкви в селах со смешанным национальным составом, в приходах которых жили преимущественно крещены.

⁵ См.: Бобровников Н.А. Инородческое население Казанской губернии. Вып.1. Татары, вотяки, мордва. – Казань, 1899; Златоверховников И. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. – Уфа, 1899.

⁶ Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. – Самара: Тип. Самарской духовной консистории, 1900.– С.137.

большинства старокрещен произошли заметные изменения, усилилась православная конфессиональная идентичность. Одним из показателей этого стало развитие духовно-религиозного движения, монашества. С 70-х гг. XIX в. богомольцы из крещеных татар стали совершать ежегодные паломничества в Казань на встречу особо почитаемой иконы Седмиозерской Смоленской Божией Матери (18–26 июня). Например, в 1893 г. на торжественную встречу этой иконы в город прибыло около 300 крещено-татарских богомольцев¹. Среди старокрещен появляется большое количество ревностных последователей православия, которые по личной инициативе начинают заниматься христианским просвещением своих соплеменников.

Рост православной ориентации, наряду с изменениями в религиозной идентичности привел и к другим не менее важным изменениям в общественной и культурной жизни старокрещен, выразившихся в их консолидации, росте их самосознания. Примечательно, что с 1880-х гг. в этнографической литературе для обозначения крещеных татар, укрепленных в православии, все чаще начинает использоваться термин «кряшен». Это факт далеко не случаен и имеет большое значение для понимания изменений, происходивших в конфессиональном самосознании старокрещен. Для укрепленных в православии крещеных татар обозначение «кряшен» приобрело новое звучание, оно стало не просто традиционным самоназванием всех крестившихся татар², а лишь той ее группы, для которой православие стало составной частью конфессиональной идентификации. Формирование идеологии особой кряшенской идентичности³, впервые обо-

¹ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за двадцать шестой учебный год. С 4 октября 1892 года по 4 октября 1893 года. – Казань, 1895. – С.6.

² «Кряшенами» (искаженное русское «крещеный») татары-мусульмане, а также чуваш и удмурты-язычники, называли всех своих соплеменников принявших христианство. При этом, по всей видимости, данный термин изначально применялся исключительно для обозначения конфессионального статуса лица.

³ Интересно, что сам Н.И. Ильминский никогда не поддерживал идеи особой кряшенской идентичности, считая старокрещен составной частью татарского социума. В частности в своем письме к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 16 апреля 1883 г., критикуя позицию Б.М. Юзифовича, автора работы «Христианство, Магометанство и Язычество в Восточных губерниях России» Н.И. Ильминский писал: «Автор разделяет крещеных татар на старокрещеных и новокрещеных и, признавая последних за настоящих татар, старокрещеных принимает за какое-то особое племя, но

только не татарское Старокрещеные татары, по его мнению, природные шаманисты подобно чувашам, черемисам и другим инородцам здешнего края, поэтому они легко приняли крещение тотчас по завоевании Казани царем Иваном Васильевичем. Напротив новокрещеные татары искони были настоящие природные татары, а татары суть природные магометане; крестившись, не раньше как с половины прошлого столетия, по каким ни будь внешним побуждениям, они не хотели и не могли, да и не могут искренне усвоить христианскую веру, чему главным образом препятствовало непобедимое и фанатичное магометанство их.... Свою оригинальную теорию о племенном и коренном различии старокрещеных и новокрещеных татар автор основывает главным образом на домашнем быте и обстановке, на внешнем виде (костюме и проч.) и на религиозных обрядах, которые уподобляют старокрещеных татар чувашам язычникам и отчасти русским, а новокрещеных татар, даже еще не заявивших формально свое отпадение, уподобляют непременно и исключительно магометанам. К этому у него присоединяется резкое разделение их по времени крещения: старокрещеные крестились сейчас по взятии Казани, как бы все вдруг, а новокрещеные стали креститься уже с половины прошлого века. Разграничение старокрещеных и новокрещеных татар на два разные племени мне представляется неверным.... во-первых против теории г[осподина]. Юзифовича говорит то, что даже в настоящее время у многих сельских татар-магометан существуют шаманские обычаи, например жертвы водяным, вера в домовых и т.д. – это есть очевидно остаток шаманской старины вообще татарского народа. Во-вторых, есть немало упорных и отчаянных отступников среди несомненно старокрещеных татар. Я укажу на село Елышево Мамадышского и деревню Кибяккози Лаишевского уезда – это поистине центры отступнического движения. Это были, повторяю, настоящие старо-крещеные, а теперь они ничем не отличаются от магометан, как новокрещеные отступники. У инородцев, как вообще у простого народа, костюм и внешний обряд вполне соответствует религиозности. Как скоро крещеный татарин расположился к магометанству, он уже стрижет свои волосы, как можно глаже и украдкой надевает тюбетейку (татарскую шапочку); затем женский пол начинает одеваться, как магометанки. И это не только у крещеных татар, но и чуваш, отпадших от православия в магометанство, вся наружность и бритые головы в чапашках, как у настоящих татар магометан. Стало быть, сохранность у старокрещеных татар языческих обрядов несколько не доказывает их племенную особенность от татар и невозможность перехода в магометанство. Как день и ночь, как лето и зима, при всей по видимому противоположности, незаметно сливаются окраинами, точно также старокрещеные и новокрещеные татары сливаются как по времени крещения, так и по степени своего убеждения в христианстве или в магометанстве». (Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. – Казань, 1893. – С.30–33). Вполне понятно, что данная позиция была связана наряду с чисто научными, этнографическими выкладками ученого, с практическими вопросами миссионерской деятельно-

значенной в произведениях священника Я. Емельянова¹, а впоследствии развитой в программной статье Д. Григорьева «Зовите нас крещенами»², базировалось на идее невозможности совмещения татарской этнической и национальной принадлежности, важной составляющей которой было исламское религиозное самосознание и православной конфессиональной ориентации лица. Сам процесс повышения кряшенского самосознания был в том числе и формой рефлексии, связанной с формированием татарской гражданской (буржуазной) нации, строившейся на мусульманской основе и традиции (милет) и усилением культурного разрыва между двумя группами (татар-мусульман и татар-кряшен) в основе которого лежало различие литературных традиций, образовательной системы и религии. Как отмечал, в начале XX в. студент КазДА П. Памфилов, «крещенные благодаря влиянию местных школ (системы Ильминского. – *Р.И.*)» уже не считают себя братьями мухаммедан, а заявляют мы кряшены и в силу этого холодны с мусульманами (татарам. – *Р.И.*)»³.

Хотя введение системы Ильминского в миссионерскую и образовательную практику сыграло ключевую роль в христианском просвещении старокрещен, формировании у них устойчивой кряшенской

сти среди татарского населения. По мнению Н.И. Ильминского, при искусственном разделении старокрещен с основной массой татар-мусульман терялась важная составляющая всей его миссионерской системы. Лишь сохраняя внутреннее национальное единство крещеных и некрещеных татар, по мнению Н.И. Ильминского было возможно надеется в дальнейшем на культурную и религиозную интеграцию татар-мусульман в православно-русское общество посредством воздействия на них их соплеменников из крещеных татар, воспитанных в православном духе. В своей переписке он отмечал: «крещеных татар, несмотря на их малочисленность в сравнении с татарами магометанами, нужно считать однакож составной частью татарского народа в среде которого крещеные татары, рано или поздно при помощи Божьей составят тот мал квас, который переработает и возродит все смешение. Поэтому меры, применимые к магометанскому ли большинству или к христианскому меньшинству, должны, в конце концов, произвести действие, прямое или посредственное, на тех и других» (НА РТ, ф.968, оп.1, д.17, л.17.).

¹ См.: Емельянов И. Стихи на крещено-татарском языке. Издание Православного миссионерского общества. – Казань, 1879.

² Григорьев Д. Зовите нас крещенами // Известия по Казанской епархии. – 1906. – № 14–15. – С.450–54.

³ Памфилов П. Село Никифорово Мамадышского уезда (о причинах отпадения крещеных татар от православия). Рукопись // НА РТ, ф. 967, оп.1, д.179, л.48.

идентичности, оно, по объективным причинам, не могло полностью решить проблему «отпадений» в ислам крещеных татар. На протяжении 1880–1914 гг. среди старокрещен периодически отмечались движения за отход в ислам (1880–1881 гг. среди крещеных татар Казанского и Мамадышского уездов Казанской, Малмыжского и Елабужского уездов Вятской, Мензелинского уезда Уфимской губернии, в 1891–1898 гг. среди нагайбаков (казаков) Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии, в 1903 г. в Мамадышском и Казанском уездах Казанской губернии, в 1905–1910-х гг. в Казанской, Уфимской, Самарской губерниях). Тем не менее, во многом благодаря этим новациям большинство старокрещен и часть новокрещен (молькеевские кряшены) сознательно выбрали православную традицию как основу своего религиозного мировоззрения и татаро-кряшенскую идентичность как особую модель этнокультурного самосознания. Устойчивость этой этноконфессиональной идентичности показали события 1905 г., когда государство пошло на отмену устаревших законодательных актов об искусственном сдерживании номинальных христиан в лоне православной церкви, разрешив крещеным татарам открыто переходить в ислам. Эти действия не привели к массовому отходу старокрещен в ислам. Напротив, интенсивная конфессиональная дифференциация и причисление к мусульманским общинам «отпавших» способствовало формированию четких границ между татарами-мусульманами и крещеными татарами.

Н.А.Кореева

«Журнал мануфактур и торговли» за 1825–1861 гг.
как источник по социально-экономической
истории Казанской губернии

Один из первых научно-технических журналов в России – «Журнал мануфактур и торговли» – ежемесячно выходил в Санкт-Петербурге в 1825–1861 гг. и являлся периодическим органом Министерства финансов¹.

¹ В 1861–1863 гг. «Журнал мануфактур и торговли» стал называться «Промышленность»; в 1864–1866 гг. выходил под прежним названием.